

зованные эпиграфы; обилие номологических высказываний — пословиц, поговорок; притча, рассказанная Пугачевым, и т. п.).⁹¹ Этих фактов недостаточно, чтобы решить поставленную проблему применительно к пушкинской повести на индивидуальном (а не социально-психологическом) уровне, но, с другой стороны, они лишней раз убеждают в правомерности рассмотрения «Капитанской дочки» под углом зрения сказочной традиции.

Конвенциональная смерть («... я ... целый месяц был на краю гроба» — стр. 310) и новое рождение («Счастье воскресило меня» — стр. 308) в классическо-волшебном варианте должны были бы привести либо к апофеозу, либо к дополнительному испытанию героя на идентификацию. Но в «Капитанской дочке» классическая троичная система испытаний удвоена. Отсутствие окончательной победы над антагонистом коррелирует с новым вредительством Швабрина, доносящего на Петрушу отцу, — тот запрещает сыну женитьбу. Неудачное пособничество Савельича, которое дает отрицательный результат и становится мотивировкой поражения Гринева на дуэли, системно соотнесено с введением фигуры непародийного центрального помощника — Пугачева. Такое удвоение набора сказочных функций (и, соответственно, расщепление персонажей) требует от автора привлечения добавочных мотивировок на уровне вторичного кода и еще больше скрывает от аналитического зрения «волшебный» каркас повести.

Соединительная ткань между двумя основными испытаниями строго документальна: это — рассказ о Пугачевщине, близкий к историческому исследованию. Вместе с тем сюда же вторгаются новеллистико-анекдотические элементы (Василиса Егоровна узнает правду об опасности, которой грозит Пугачевщина, помимо воли мужа — капитана Миронова, сугубо новеллистическим путем).

Знаменательно, что заимствования из научной прозы и смежных литературных жанров просачиваются в пушкинскую повесть, не нарушая ни последовательность, ни внутреннюю системность сюжетно-смысловых вершин — сказочных испытаний (ср. топографическое правдоподобие соединительной ткани в «Повести о Савве» и чудесный характер испытаний Саввы Грудцына). Роман, следовательно, отделен от сказки не только в результате наслоения вторичного кода и ослабления формализма сказочного сюжета, но и благодаря такому конститутивному свойству, как открытость для жанровых заимствований. Причем проникающие в роман влияния не закреплены за каким-либо одним жанром, а факультативны: роман может черпать отовсюду — из новеллы, драмы и даже, как показывает опыт литературы XX в., из лирической поэзии.

Вторая серия испытаний начинается вместе с осадой крепости пугачевским воинством. Осада становится мотивировкой нескольких важных сцен повести. Гринева снова встречается с Вожатым. Удвоение набора функций нельзя расценивать как нечто специфически-индивидуальное, присущее исключительно пушкинскому произведению. То же самое найдено в волшебной конструкции: «Многие сказки состоят из двух рядов в функций, которые можно назвать *ходами*. Новая беда создает новый ход, и таким образом иногда соединяется в один рассказ целый ряд сказок».⁹² Сцену прощения Гринева можно представить как вторую часть предварительного испытания, разорванного надвое и отнесенного к линейно несоприкасающимся сюжетным сегментам. За оказанную Петрушей

⁹¹ См. об этом: А. С. Орлов. Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина. В сб.: Художественный фольклор, вып. 2. М., 1928.

⁹² В. Я. Пропп. Морфология сказки, стр. 55.